
ПОСЛЕДНЯЯ
СМЕНА
ДПС

Артур Шанс
Последняя смена

https://litres.ru/74705522
SelfPub; 2026

Аннотация

Последний рейс водителя автобуса Андрея Лаврова заканчивается убийством, которое он не должен был видеть. В чужой игре с полицией, поддельными документами и исчезающими записями Андрею предлагают простую сделку: безопасность жены и дочери в обмен на ложные показания против невиновного человека.

Но одна подпись способна разрушить не только чужую жизнь. Пока адвокат, журналистка и молодой полицейский пытаются восстановить события роковой ночи, Андрей должен решить, сколько стоит правда — и можно ли исправить предательство, даже если в конце концов сказать её вслух.

«Последняя смена» — криминальная драма о страхе, ответственности и цене выбора, который невозможно отменить.

Содержание

Глава 1. Конечная 5
Глава 2. Протокол 16
Глава 3. Защитник 25
Глава 4. Звонок в дверь 35
Глава 5. Показания 44
Глава 6. Человек в серой куртке 54
Глава 7. Утро города 70
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Артур Шанс
Последняя смена

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕНА
Артур Шанс
Криминальная драма
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОЧЬ

Глава 1. Конечная

В автобусе пахло соляркой, мокрыми рукавицами и чем-то кислым, въевшимся в потрескавшиеся поручни за тридцать лет службы. Андрей Лавров поставил машину на ручник и посмотрел на часы. 23:41. Последний круг семнадцатого маршрута закончился на девятнадцать минут раньше графика. До полуночи следовало ждать на конечной, а потом ехать в парк. Андрей хотел домой.

На приборной панели лежал рисунок, который Ксюша сунула ему в документы прошлой весной. На листе были автобус с огромными колёсами, две фигурки у дверей и яркое солнце. Дочка тогда сказала, что нарисовала папину работу для школьного конкурса. Андрей посмеялся: автобус получился скорее кораблём, чем ЛиАЗом, а водитель в окне — вдвое выше пассажиров.

— Ты хоть номер маршрута правильно напиши, — сказал он.

— А у нас будет секретный маршрут, — ответила Ксюша. — Только для своих.

В ту весну они ещё ездили по воскресеньям за город. Брали хлеб, горячий чай, несколько варёных яиц, сидели на краю заброшенного карьера и смотрели, как ветер гоняет воду. Ксюша считала, сколько грузовиков пройдёт по дороге. Андрей обещал научить её управлять автобусом, когда вы-

растет. Ей было двенадцать, и она верила, что через два года начнётся совершенно другая жизнь.

Теперь она не садилась с ним за стол, если он возвращался поздно. На прошлой неделе Андрей застал её в коридоре с телефоном. Он спросил, с кем она переписывается, и услышал: «Это не твоё дело». Он вспылил, отобрал телефон и пообещал вернуть только после разговора с матерью. Потом передумал и оставил аппарат на тумбочке. Оба сделали вид, что ничего не произошло. Для примирения оказалось достаточно того, что никто больше не произносил обидных слов. Но утром девочка прошла мимо него, не подняв глаз.

Он взял рисунок и расправил помятый угол. Линии были неровными, один из пассажиров был похож на треугольник. Андрей не помнил, как давно Ксюша перестала рисовать. Не знал даже, какая у неё теперь любимая музыка. Всё время собирался спросить, но дома любая беседа быстро превращалась в спор о деньгах, оценках или невымытой посуде.

В бардачке лежало заявление об увольнении. Третью неделю он возил его с собой, как билет в поезд, на который не решался сесть. Вчера Марина сказала, что никто не заставляет его работать за эти деньги. Потом попросила купить дочери зимние ботинки. Денег на ботинки не было, и Андрей ответил не то, что хотел. Сегодня они не разговаривали.

Он прочитал сообщение: «С Ксюшей поговори. И не говори, что забыл». Открыл поле ответа и закрыл.

За два часа до этого дочь звонила сама. Он сбросил вызов

на повороте, когда автобус был набит людьми, а потом не перезвонил. Теперь телефон лежал лицом вниз, но Андрей всё равно видел на чёрном экране её имя. Дочка недавно перестала называть его папой в сообщениях. Писала: «Ты дома?» или «Нужны деньги на тетради». Он надеялся, что это возраст и пройдёт. Марина говорила, что само ничего не проходит.

В салоне под третьим сиденьем валялась розовая детская варежка. Андрей заметил её ещё на предпоследнем круге. Кто-то искал пропажу, вероятно, возвращался к остановке, говорил ребёнку, что купят другие. Он встал, поднял варежку двумя пальцами. Совсем маленькая, с тонкой резинкой, без пары. Андрей положил её на приборную панель рядом с пропуском. В детстве Ксюша тоже постоянно теряла варежки. Однажды он накричал на неё так, что она боялась снять перчатки даже дома. Спустя годы ему помнился не свой крик, а её тихое «я больше не буду».

Он написал дочери: «Ты не спишь?» Нажал на отправку и сразу пожалел. Было почти двенадцать; если ответит, придётся разговаривать по-настоящему. Сообщение осталось непрочитанным.

Андрей посмотрел через окно на посадочную площадку. После закрытия кирпичного завода маршрут продлили до старой промзоны, хотя пассажиров там почти не осталось. Три фонаря на всю конечную; один не работал, второй мигал, третий светил в пустые гаражи. Диспетчер велел отме-

чать ожидание до полуночи, даже если последний пассажир выходил раньше. За преждевременный сход с линии штрафовали. Андрею уже дважды вычитали из премии, и он терпеливо досиживал эти минуты.

Перед тем как оставить телефон, Андрей всё-таки позвонил домой. Вызов длился недолго: Марина ответила после пятого гудка.

— Ксюша спит, — сказала она вместо приветствия.

— Я ей написал.

— Видела. С утра напишешь ещё раз. Только не «как дела», Андрей. Нормально поговори.

За её спиной щёлкнул выключатель. Он представил кухню: облупившийся край стола, кружку со сломанной ручкой, магнит с морем, где они не были уже восемь лет.

— Я завтра пораньше встану.

— Завтра у тебя всегда всё пораньше.

Он хотел ответить резко, спросить, откуда взять деньги на зимние ботинки и почему любой разговор сводится к тому, что он опять виноват. Но Марина вдруг устало кашлянула — один раз, в сторону от трубки, — и раздражение прошло.

— Слушай, — сказал он, — там в бардачке заявление у меня. Я серьёзно, Марин. Уйду отсюда.

— И куда?

— К Серёге. На развозку. Он говорил, место есть.

— Он весной то же самое говорил.

— Ну, позвоню завтра.

— Андрей, ты сначала позвони. Потом рассказывай.

Они замолчали. За стеклом кто-то хлопнул дверью автомобиля; Андрей даже не посмотрел. Ему хотелось спросить, не ушла ли Марина окончательно в то молчание, после которого люди уже не ссорятся. Но такой вопрос требовал смелости, которой в конце смены у него не осталось.

— Ты поел? — спросила она.

— В термосе суп.

— Это не еда на весь день.

— Ага.

— Не «ага». Поешь дома. Я оставила.

Он едва не сказал «спасибо» и вдруг смутился: благодарность за тарелку супа прозвучала бы так, будто они чужие. Вместо этого сказал:

— Скоро буду.

— Только аккуратно езжай. Там гололёд.

Связь оборвалась. Андрей ещё какое-то время держал телефон у уха. Затем поставил термос на ступеньку, отвинтил крышку и сделал несколько глотков остывшего супа. Картошка разварилась, лавровый лист прилип к стенке. На вкус было почти как дома.

За две недели до той ночи Андрей привёз домой новое зеркало заднего вида. Старое разбилось, когда на остановке у вокзала пассажир ударил кулаком по перегородке. В автопарке сказали ждать поставки, но Андрей не мог ездить, не видя задней двери. Купил зеркало на свои. Триста восемь-

десят рублей — цена нескольких буханок хлеба и половины платы за школьную экскурсию Ксюши.

— Сколько ещё будешь им всё покупать? — спросила Марина, когда увидела чек. Она стояла у плиты в старом халате. Лицо освещала вытяжка, которую никак не удавалось починить: лампочка мигала, словно уставала раньше хозяйки.

— Мне с людьми ездить, — ответил Андрей. — Не директору.

— Так ты у директора работаешь или за него?

Он не придумал ответа. Сунул чек под сахарницу, чтобы не потерять, и пошёл мыть руки. Из комнаты доносилось, как Ксюша слушает на телефоне объяснение задачи по геометрии. Когда Андрей вошёл, дочь выключила звук.

— Пап, можно я в субботу к Лизе с ночёвкой?

— Уроки сначала сделай.

— Ты даже не спросил, куда.

Андрей сел на край дивана. Здесь уже не помещались двое: на спинке громоздились куртки, пакет со старыми учебниками и коробка с гирляндой, которую не убрали с прошлого Нового года.

— Куда?

— На Южную. Мама знает. Мы фильм смотреть будем. И ещё... — Ксюша замялась. — У Лизы отец обещал нас потом до торгового центра довезти. Можно?

— Обещал — пусть везёт.

Дочь посмотрела на него так, словно ждала не разреше-

ния. Андрей понял не сразу: она рассказывала о чужом отце, который всегда успевал куда-то возить, и проверяла, заметит ли он это. Он заметил. Но слишком поздно.

— Я могу в субботу сам, — сказал он.

— У тебя смена.

— Поменяюсь.

Ксюша пожала плечами. Она не сказала «не надо». И «давай» тоже не сказала. Андрей вернулся на кухню и увидел, что Марина поставила перед ним тарелку супа. Он хотел рассказать о разговоре, но жена спросила, оплатил ли он интернет. Вместо ответа он открыл банковское приложение.

На экране светилась сумма, которой не хватало даже на один месяц спокойствия. Долг за коммуналку, кредит за старую машину, которую продали после аварии, деньги, занятые у Мариныной сестры. Андрей проводил пальцем по списку платежей и с каждым движением всё яснее видел: увольняться он не может. Сказать это вслух он тоже не мог.

Позже, когда обе уже спали, он достал из кармана сложенное заявление. Бумага помялась возле подписи. Андрей разгладил её на столе, положил обратно в куртку и выключил свет. От окна доносился шум трассы. В том шуме было что-то успокаивающее: машины куда-то ехали, и никому не требовалось отвечать за чужую жизнь.

Теперь, на конечной, он вспомнил разговор с дочерью из-за сообщения Марины. Выходные, автобус, чужой отец — всё смешалось. Он хотел послать Ксюше голосовое, но по-

боялся разбудить. Напечатал: «В субботу свободен. Если хочешь, съездим вместе». Смотрел на эти слова, пока телефон не погас. Отправить так и не успел.

Именно в эту минуту он заметил на пустыре чёрный внедорожник. Не из-за шума: машина стояла с выключенными фарами. Просто боковое стекло вдруг отразило короткую вспышку света — кто-то открыл дверь и включил салонную лампу.

Андрей прикрутил крышку термоса. Ему оставалось досидеть до полуночи. Он решил, что никого больше в автобус не пустит.

Снег падал вперемешку с дождём. Фонарь над конечной мигал. У внедорожника на пустыре открылась дверь.

Из машины вышли двое. Они вытянули за руки третьего — человека в серой куртке, который едва переставлял ноги. Высокий постучал в водительское стекло.

— Открой, командир. В больницу надо.

— Рейс закончен. Скорую вызывайте.

— Не успеваем.

Андрей увидел кровь на воротнике серой куртки и почему-то подумал о драке в круглосуточном кафе. Такое бывало: выяснят отношения, потом ищут машину, чтобы не объясняться медикам.

— У меня в парк по путёвке, — сказал он.

Высокий показал раскрытое удостоверение. На секунду: эмблема, герб, фотография. Андрей не успел прочитать фа-

милию.

— Полиция. Теперь откроешь?

Он открыл.

Раненого посадили справа от кабины. Второй, коренастый, сел рядом и положил ладонь ему на плечо. Андрей тронулся. У светофора высокий приказал повернуть к промзоне.

— Там нет больницы.

— Езжай куда сказали.

Через зеркало Андрей увидел, как раненый поднимает голову. Один глаз заплыл, губы дрожали.

— Мужик... Не вези.

Коренастый ударил его в живот. Андрей нажал тормоз так резко, что все подались вперёд.

— Вы чего делаете?

— Андрей Викторович, — сказал высокий, прочитав пропуск на панели. — У тебя семья есть?

Он произнёс это без угрозы. Так спрашивают, есть ли сдача с тысячи.

Андрей убрал ногу с педали.

Старую автобазу он знал: здесь отец проработал слесарем двадцать два года. Ворота давно должны были быть заперты, но сегодня створки были распахнуты. За бетонной стеной стояла белая «Шкода» и человек в пальто. Седые волосы, короткая стрижка, руки в тонких кожаных перчатках. Он разговаривал с высоким, глядя на автобус.

— Выводите, — услышал Андрей.

Раненый уцепился за поручень. Коренастый вывернул ему кисть. Андрей остался за рулём. Он мог нажать сигнал. Мог открыть дверь и побежать. Мог хотя бы сказать: «Не надо». Он не сделал ничего.

Человек в пальто спросил раненого о каком-то ключе. Тот покачал головой. Седой снял перчатку, аккуратно убрал её в карман и ударил его по лицу. Андрей отвернулся.

Выстрел прозвучал как хлопок по пустой жестяной бочке.

Когда он снова посмотрел, серую куртку уже пачкал тёмный снег. Седой говорил по телефону: «Всё. Можешь начинать».

Высокий вернулся в автобус с чёрным пакетом.

— Где у тебя инструментальный ящик?

— Сзади. А что там?

— Меньше знаешь — спокойнее спишь.

Он вышел через заднюю дверь. Через минуту раздался металлический стук люка.

Седой подошёл к кабине.

— Ты сегодня никого не возил. На базе не был. Поедешь в парк. Понял?

— Да.

— Камера пишет?

— Полгода как не работает.

Мужчина посмотрел на чёрный глаз регистратора над лобовым стеклом.

— Повезло тебе, Лавров.

В 00:34 Андрей выехал за ворота. Он не помнил, как включил передачу. На первом перекрёстке набрал Марину, услышал гудки и сбросил. Что говорить? Что видел убийство и уехал?

Позади вспыхнули красный и синий огни. Машина ДПС шла на расстоянии двух корпусов. Андрей уступил дорогу, но патруль не обгонял. Из громкоговорителя велели остановиться.

— Документы, — сказал молодой инспектор. — Из автобуса выйдите.

Андрей спустился на мокрый асфальт. Его обыскали, защёлкнули наручники и посадили в патрульный автомобиль. Другой инспектор открыл инструментальный отсек и вынул чёрный пакет.

Седой сидел на переднем пассажирском месте. Теперь Андрей увидел это ясно.

— Я же говорил, — произнёс он, не оборачиваясь. — Домой поезжай.

Он улыбнулся своему отражению в стекле.

Глава 2. Протокол

У входа в отдел Андрей вдруг вспомнил, что оставил в автобусе термос. Эта мысль была такой неуместной, что он почти рассмеялся. Термос стоил триста рублей, крышка плохо закручивалась, а внутри оставалось немного супа, сваренного Мариной. Ему хотелось вернуться, взять его и тем самым доказать самому себе, что день ещё можно довести до обычного конца.

В коридоре пахло влажными валенками и растворимым кофе. Дежурный за стеклом записал фамилию, не поднимая глаз. Андрей попытался объяснить, что ему необходимо сообщить об убийстве, но старший инспектор, сопровождавший его, негромко произнёс:

— Не здесь. Дальше скажешь.

В комнате ожидания стояли три стула. На одном спал мужчина в куртке коммунальной службы, обхватив сумку руками. За дверью спорили из-за потерянного ключа. Андрей сел на край свободного стула и почувствовал, что не понимает, сколько прошло времени после выстрела. Он попробовал восстановить порядок событий: конечная, внедорожник, больной или раненый мужчина, ворота автобазы. Чем усерднее вспоминал, тем настойчивее между фактами вставали чужие объяснения.

— Поднимайтесь, — сказал молодой сотрудник. — Вещи

на стол.

Из карманов Андрей достал телефон, пачку сигарет, квитанцию за электричество и четыре монеты. Сотрудник перечислил имущество вслух, затем протянул бумагу. Андрей посмотрел в графу времени и заметил, что там стояло число, отличающееся от показаний часов на стене.

— Подождите. Сейчас ведь почти три?

— Часы здесь спешат.

— На сколько?

— Что вы цепляетесь? — сотрудник поднял глаза. — Пишем фактическое время по дежурной части.

Андрей подписал только после того, как попросил указать точное время изъятия телефона. Сотрудник недовольно поправил запись. Эта маленькая уступка не принесла облегчения: Андрей вдруг понял, что остальные бумаги тоже могут содержать такие же небольшие неточности, только заметит их кто-нибудь уже слишком поздно.

Из другого кабинета вышла женщина с папкой и стаканом воды. Она остановилась, увидев его лицо.

— Вы водитель? Семнадцатый маршрут?

— Да. А вы кто?

Женщина не ответила. Посмотрела на старшего инспектора, быстро отвела взгляд и ушла. Андрей запомнил не лицо, а то, как она сжала папку, словно боялась, что бумаги выскользнут из рук.

На втором этаже районного отдела пахло разогретой кар-

тошкой. За стеной работал телевизор, кто-то смеялся над шуткой. Андрей сидел на скамейке, зажимая между коленями руки, и думал, что мир не имеет права оставаться таким обычным.

Часы над дежурной частью показывали 03:06. Затем Андрей перестал на них смотреть.

В кабинет следователя его провели спустя почти два часа после остановки автобуса. Мужчина в рубашке с закатанными рукавами назвался Нестеровым и предложил воды. Андрей отказался.

— Где находились с двадцати трёх сорока до нуля тридцати?

— На конечной. Потом поехал в парк.

— Через старую автобазу?

Андрей представил белую «Шкоду», серую куртку на снегу и седого человека. Вспомнил слова про семью.

— Нет.

Нестеров положил перед ним фотографию. На ней лежал мужчина лицом вниз. Видны были только ботинки, мокрый снег и ободранный рукав.

— Знаком?

— Нет.

— Почему смотрите на рукав?

— А куда смотреть?

Нестеров убрал снимок. Он не повышал голоса, и от этого было хуже. Он спрашивал про остановку, про пустой са-

лон, про маршрутный указатель и уже в третий раз — про камеру. Андрей отвечал ровно до тех пор, пока следователь не сказал:

— По вашему автобусу оформлен материал осмотра. В отсеке обнаружены вещи погибшего и предмет, похожий на орудие убийства.

— Я этого не клал.

— Кто положил?

Андрей промолчал.

— Вы сейчас не обязаны свидетельствовать против себя, — сказал Нестеров. — Вам нужен адвокат.

— Мне нужен телефон жене.

— С адвокатом обсудим и это.

Андрей заметил на столе крохотную карту памяти в прозрачном пакете.

— У меня камера не работала.

Нестеров посмотрел на пакет, затем на дверь.

— Вы уверены, что хотите именно это утверждать?

— Так мне в гараже сказали.

— Одно дело — что сказали. Другое — что было.

Следователь убрал пакет в ящик.

— Я хочу адвоката, — произнёс Андрей.

— Правильно, — ответил Нестеров. — Это первое правильное решение за сегодняшнюю ночь.

На площадке перед отделом снег был серым и рыхлым, будто его перемешали с золой. Андрей смотрел в окно каби-

нета: дворник с плоской лопатой очищал ступеньки, а через пять минут снова принимался за ту же работу. За время в отделе Андрей успел несколько раз пересказать себе события на автобазе. В каждом пересказе находилось место, где он мог сделать иначе. Не открывать дверь. Не трогаться с конечной. Затормозить у круглосуточной заправки. Закричать, когда мужчину вывели наружу. Но всякий раз он вспоминал прикосновение чужой руки к плечу и пустую остановку за стеклом.

В коридоре разговаривали двое сотрудников. Андрей не разбирал слов, пока один не произнёс: «У него дочка в школе, кажется». Второй ответил: «Так и записывай, потом уточним». Он прижался ухом к двери — и тут же отступил, испугавшись, что его увидят. Было стыдно даже за этот жест. За страх, который заставлял подслушивать, соглашаться, предугадывать.

Когда Нестеров вернулся с бумагами, Андрей спросил, можно ли позвонить жене. Следователь взглянул на часы.

— Адвокат будет. При нём и обсудим.

— Вы понимаете, что она не знает, где я?

— Понимаю.

— Тогда почему нельзя?

Нестеров сел, не снимая куртки. На плечах у него темнели растаявшие снежинки.

— Потому что в этом деле пока слишком много людей звонят не тем, кому положено. Я хочу, чтобы ваш звонок по-

том не пришлось объяснять.

Андрей впервые посмотрел на следователя внимательнее. У того под ногтем на указательном пальце было пятно синей краски. Такие мелочи казались нелепыми: человек мог решать твою судьбу и при этом испачкать руку обычным картриджем или ручкой.

— Вы мне верите? — спросил Андрей.

— Я ещё не знаю, что именно вы мне рассказали, — ответил Нестеров. — Потому и записываем. Когда будете уверены, что можете сказать правду целиком, начнём сначала.

Андрей почти сказал про пакет. Вместо этого спросил, можно ли воды. Нестеров налил из графина в пластиковый стакан. Андрей держал его обеими руками, хотя воды было не больше половины. Стакан гнулся от давления пальцев. На краю стола лежал протокол, в котором ещё оставалось много пустых строк. Он подумал, что пустые строки опаснее уже написанного: пока там ничего нет, туда можно поместить любую чужую версию ночи.

Он сделал глоток и сказал:

— Я сначала соврал про маршрут.

Нестеров перестал листать бумаги.

— Почему?

— Мне сказали молчать.

— Кто сказал?

— Я знаю лицо. Фамилию — нет.

Следователь положил ручку на стол.

— Хорошо. Начинайте с того момента, когда вы его увидели. И не пытайтесь выглядеть лучше, чем были. Мне это не поможет.

За окном посветлело. На стекле отражалась лампа, и Андрей не видел города. Он вспомнил, что Ксюша скоро встанет и, вероятно, снова спросит, когда отец придёт домой. Ему захотелось попросить телефон. Вместо этого он сказал Нестерову:

— Я не знаю, что лежало в пакете. Но знаю, кто его принёс. Я смогу узнать этого человека.

Следователь медленно положил ручку.

— Это и запишем. Без того, что вы не видели.

Нестеров не сразу открыл папку. Сначала попросил принести два стакана воды и выдвинул из-под стола урну. Андрей уже третий раз за час говорил, что его тошнит. В коридоре постепенно стихали ночные голоса.

— Я задам вопросы ещё раз, — сказал следователь. — Если не помните, говорите «не помню». Мне не нужен ответ только потому, что я задал вопрос.

Андрей смотрел на белёсые костяшки своих пальцев.

— Вы же сами всё знаете.

— Нет. Я знаю, что вы ехали на автобусе. И что обнаружили пакет. Между этими событиями есть время, которое пока никто не объяснил одинаково.

Нестеров повернул к нему лист с простой схемой салона. Прямоугольник кабины, дверь, два ряда сидений.

— Где сидел раненый?

Андрей показал первое сиденье справа.

— А мужчина, который ударил его?

— Рядом. Нет, сначала стоял. Он сел, когда мы выехали с конечной.

Следователь сделал отметку. Андрей услышал скрип ручки и почувствовал ненависть к этому звуку: он превращал рассыпающиеся воспоминания в строчки, которые потом будут цитировать чужие люди.

— Кто велел свернуть к старой базе?

— Высокий.

— Он назвал улицу или показывал рукой?

Андрей помедлил.

— Сказал «направо». У поворота. Я тогда ещё сказал, что больницы там нет.

— На каком повороте?

— Не знаю. Там склады. На фонаре провода висели.

Нестеров снова записал.

— Почему вы не остановились?

Андрей хотел сказать, что думал о пистолете. Но не видел никакого пистолета до прибытия на базу. Он всё же произнёс:

— Я боялся, что они меня ударят. Что потом найдут дома.

— Вам угрожали семьёй уже в автобусе?

— Нет. Тогда ещё нет.

Он впервые за время допроса сам поправил свой ответ.

От этого не стало легче. Зато Нестеров не сделал замечания — лишь поставил рядом со строкой маленькую галочку.

— То, что вы сейчас уточнили, важно, — сказал он. — Не путайте свой страх с тем, что вам говорили вслух.

За стеной кто-то громко рассмеялся. Андрей поднял глаза.

— Вы верите, что я его не убивал?

— Моё отношение к вам в протокол не входит.

— Но вы верите?

Нестеров долго молчал.

— Я вижу человека, который видел больше, чем хочет рассказать. И который не знает, как отличить стыд от опасности. Мне нужно установить факты. Начнём с того, когда вы увидели чёрный пакет.

Андрей снова посмотрел на нарисованный автобус. В крохотном прямоугольнике кабины не было места ни Марине, ни Ксюше, ни его обещанию вернуться домой. Но именно из-за них он уже собирался сказать первое удобное «не помню».

Глава 3. Защитник

Ковалёв появился уже утром, накинув поверх свитера тяжёлое коричневое пальто. Он представился адвокатом по назначению, попросил отдельного разговора и, когда дверь закрылась, положил перед Андреем чистый лист.

— Рассказывайте, как было. Не так, как хочется, чтобы было. И не пытайтесь угадать, что мне понравится.

Андрей рассказал всё, кроме одной детали. Он не сказал, что видел, как высокий унёс чёрный пакет к задней двери, а затем услышал стук инструментального люка. Ему казалось: признаешь эту мелочь — станет ясно, что он мог возразить, но не возразил.

— Почему после выстрела не вызвали полицию?

— Не успел.

Ковалёв снял очки.

— Это неправда. Я не ваш судья, но не надо проверять меня такой ложью.

— Я испугался.

— Так и скажите. Страх — факт. «Не успел» — выдумка.

Ковалёв не обещал спасения. Это Андрея раздражало. Ему хотелось услышать от человека с удостоверением адвоката простую фразу: «У нас ничего нет, вас отпустят». Вместо этого старик уточнял время, маршрут, имена и каждый раз возвращался к вопросу, который Андрей уже считал от-

вечённым.

— Чёрный пакет вы когда заметили?

— Когда его принесли.

— Кто держал?

— Тот, высокий.

— Вы сами видели, как его положили внутрь отсека?

Андрей замолчал.

Он вспоминал себя возле задней стенки автобуса: дождь под воротником, ключи в руке, бетонную ограду под фонарём. Высокий наклонился к люку. Андрей стоял сбоку. Видел его плечо, слышал скрип петли. Но самого пакета в отсеке уже не видел.

— Нет, — сказал он. — Не видел.

— Вот так и говорите. Чего не видели — не видели. Для них каждая ваша уверенность удобна, если её потом опровергнут.

— А если я расскажу всё, они же тогда скажут, что я помогал.

— Возможно. Поэтому вы здесь с защитником. Но когда выдумываете недостающие детали, вы помогаете не себе.

Ковалёв развернул блокнот. Почерк у него был мелкий, неровный. Андрей заметил несколько раз написанное слово «мог», подчёркнутое дважды.

— Что это?

— Глагол, который мы не будем подменять другим. Вы могли уехать, но не уехали. Могли позвонить, но не позвони-

ли. Это факты вашего поведения. Из них нельзя автоматически сделать вывод, что вы заранее знали об убийстве. Однако и притворяться, будто у вас не было выбора, не получится.

Андрей посмотрел на адвоката с ненавистью. Тот говорил голосом школьного учителя и будто нарочно не жалел его. Потом Андрей понял, что впервые за ночь с ним разговаривают как с человеком, от которого чего-то зависит, а не как с предметом, который можно передвинуть.

— Что мне теперь делать?

— Для начала не подписывать текст, который вы не прочли. И не пытаться оправдать каждую минуту своей жизни. Нам нужна правда, даже если она неприятная.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то засмеялся. Андрей вдруг вспомнил дочь: она смеялась так же громко, когда показывала смешные видео за ужином. Он часто просил сделать потише. Теперь он был готов отдать что угодно за этот звук в своей кухне.

— Ксюша сегодня в школу не пойдёт, — произнёс он неожиданно для себя.

— Кто?

— Дочь. Я попрошу Марину не пускать её. Пока всё не выяснится.

Ковалёв закрыл блокнот.

— Вы не можете контролировать весь город, Андрей Викторович. Но о конкретной угрозе семье необходимо сообщить. И не мне одному. Это тоже надо оформить.

— А вы думаете, кто-нибудь будет оформлять угрозу от их начальника?

Адвокат посмотрел на закрытую дверь.

— Я думаю, что нам понадобится копия заявления, зарегистрированная не в этом коридоре.

Ковалёв вернулся к первому протоколу и попросил Андрея повторить последнюю часть рассказа: не о стрельбе, а о том, как пакет оказался в инструментальном отсеке.

— Вы видели, как его положили?

— Нет. Я видел его возле люка и слышал, как открыли отсек, но самого момента не видел.

— Вы видели, что в пакете?

— Нет.

— А в протоколе написано, что вы предполагаете наличие оружия. Откуда это следует?

— Я испугался. Там человек умер.

— Страх — не источник сведений, — сказал Ковалёв. — Он многое объясняет, но не подтверждает содержимое пакета.

Андрей впервые за ночь почувствовал не благодарность, а раздражение. Адвокат придирался к словам, будто именно слова стали причиной смерти Мельникова. Однако, когда Ковалёв показал ему следующую строку, раздражение сменилось тревогой. В документе значилось: «Лавров пояснил, что раненый состоял в конфликте с сотрудниками полиции». Андрей такого не говорил. Он видел конфликт, но не знал,

кто кому подчинялся.

— Надо исправить, — сказал адвокат.

— Это важно?

— Представьте, что завтра вы вспомните, как один из этих людей называл другого по имени. Если сегодня мы утверждаем больше, чем вы слышали, завтра вам будет трудно объяснить, почему ваши показания меняются.

Ковалёв попросил ручку, аккуратно записал замечания к протоколу и предложил Андрею прочитать всё целиком перед подписью. Андрей читал медленно. Внизу страницы оставалось место для замечаний. До этой ночи он считал, что подпись нужна лишь затем, чтобы от него отстали. Теперь каждая строчка выглядела не дверью наружу, а новым замком.

— Вы давно здесь работаете? — спросил Андрей.

— Давно.

— И что, так всегда?

Адвокат снял очки.

— Нет. Бывает хуже, бывает лучше. Не пытайтесь объяснить всё одним словом «всегда». Так очень удобно ничего не делать.

За стеной раздался смех. Ковалёв на секунду прислушался, потом снова открыл папку.

Ковалёв перевернул чистый лист и начертил три колонки: «видел», «слышал», «предполагаю».

— Это не протокол, — сказал адвокат. — Это для нас.

Начните с автобазы. Что вы видели?

— Человека на снегу.

— До выстрела или после?

— После.

Ковалёв записал. Андрей вспыхнул:

— Вы что, тоже думаете, будто я всё придумал? Я слышал выстрел!

— Вот и скажите: слышал. Вам кажется, что слово «видел» сильнее. На самом деле оно только даёт повод поймать вас на неточности. Не пытайтесь быть убедительным. Пытайтесь быть точным.

Андрей посмотрел на бумагу. Границы между колонками казались ему издевательством. За одну ночь ему пришлось пережить то, что не укладывалось ни в одну клетку. Он помнил даже запах снега возле стен автобазы — сырой бетон, выхлопы, табачный дым. Но кто именно нажал на спуск, он не видел.

— Седой там командовал, — произнёс Андрей.

— Он отдавал приказ стрелять?

— Я не слышал. Но все на него смотрели.

Адвокат перенёс фразу в третью колонку. Андрей хотел возразить, но не смог. Так оно и было: он видел взгляды, а вывод сделал сам.

— А что вы точно знаете о пакете?

— Высокий мужчина понёс пакет к задней двери после выстрела. Я слышал, как открыли инструментальный отсек.

Что было внутри, я не видел.

— Это разные показания, Андрей.

— Я знаю.

— Хорошо, что вы заметили сейчас. Вспоминайте не по словам следователя, а по порядку собственных действий.

За стеной загрохотало ведро. Кто-то выругался на уборщицу. Андрей опустил голову и вдруг ощутил огромную усталость. Ему хотелось, чтобы адвокат хоть раз сказал, что всё закончится благополучно. Но тот не говорил. Вместо этого помогал разобрать ночь на отдельные минуты, от каждой из которых хотелось отвернуться.

— Скажите, я домой выйду? — спросил Андрей.

— Я не могу обещать. Могу потребовать, чтобы с вами обращались по закону, и оспаривать то, для чего нет оснований. Но вы должны перестать помогать им ошибаться за ваш счёт.

Андрей провёл пальцем по трём колонкам. Первая оказалась самой короткой. Он понял, почему это пугает сильнее всего.

— Мне нужно знать, есть ли у вас основания опасаться за семью. Не догадки. Конкретные действия, слова, сообщения.

Из коридора донёсся голос Нестерова, затем низкий, ленивый ответ. Через мгновение в дверях возник седой мужчина. Без пальто он казался моложе. Хороший костюм, дорогие часы, ухоженные руки.

— Как дела, Андрей Викторович?

— Это он, — сказал Андрей. — На базе был он.

Седой вынул телефон и показал фотографию Ксюши возле школы. На снимке дочь поправляла капюшон. По одежде Ксюши Андрей предположил, что фотографию сделали на днях.

— Хорошая девочка. Девятый класс?

— Уберите, — попросил Андрей.

— Поговорим спокойно — и всё будет хорошо.

Нестеров приказал убрать телефон. Седой подчинился с равнодушной усмешкой и ушёл.

— Он вам угрожал, — сказал Андрей следователю. — Вы это видели.

— Видел, — ответил Нестеров. — Я запомню.

Андрей рассказал о фотографии дочери, показанной седым мужчиной. На этом месте адвокат перестал писать и попросил повторить точные слова. Андрей несколько раз сбился: ему хотелось добавить интонацию, с которой произнесли угрозу, объяснить презрительную улыбку. Ковалёв терпеливо возвращал к фактам.

— Фото было сделано когда?

— Не знаю. У школы. Она в своей розовой шапке. Вчера могла быть, позавчера.

— Человек назвал её возраст?

— Класс спросил. Девятый.

— Хорошо. Это необходимо внести отдельно. И сообщить о случившемся в заявлении, которое не должно потеряться

в основном протоколе.

У Андрея задрожали руки. Пока он рассказывал, картинка Ксюши возле школы стала более реальной, чем вся комната. Адвокат заметил это, прикрыл папку и подождал, пока Андрей сможет говорить дальше.

— Вы обещаете, что с ними ничего не случится?

— Нет, — ответил Ковалёв. — Я не имею права обещать. Но мы можем добиться, чтобы ваше сообщение зарегистрировали, и будем фиксировать всё, что произойдёт. Это меньше, чем вам хочется. Но больше, чем молчание.

Андрей опустил голову. Ему очень хотелось услышать другое. И всё же эта скупая честность была первым человеческим ответом, которому он поверил после конечной остановки.

Позже Андрею разрешили позвонить жене. Она подняла трубку сонная и рассерженная, но, услышав про отдел полиции, проснулась окончательно.

— Ксюшу в школу не пускай, — сказал Андрей. — Двери запри.

— Ты опять во что-то влез?

Он хотел ответить, когда Марина вдруг произнесла:

— У нас под окном машина. И кто-то звонит в дверь.

— Не открывай!

Связь оборвалась.

Ковалёв позвонил знакомой журналистке Вере Соколовой и попросил приехать. Потом долго смотрел в закрытую

дверь.

— Они знают, где семья, — сказал Андрей.

— Они много чего знают, — ответил адвокат. — Вопрос в том, что сможем доказать мы.

Из коридора донёсся торопливый разговор. Нестеров вошёл побледневшим.

— У его квартиры мужчина. С девочкой что-то случилось, — сказал он адвокату. — Надо проверить немедленно.

Андрей поднялся так резко, что опрокинул стул.

Глава 4. Звонок в дверь

Марина стояла на кухне босиком, хотя пол давно остыл. После звонка Андрея она не включала верхний свет. Боялась, что человек во дворе увидит её силуэт. В холодильнике гудел компрессор, за стеной кто-то кашлял, и эти привычные звуки неожиданно раздражали. Страшное почему-то должно сопровождаться полной тишиной.

Ксюша вышла из комнаты в растянутой футболке, со следом от подушки на щеке.

— Мам, ты чего?

— Иди спать.

— Папа?

Марина кивнула. Ложь о том, что всё нормально, застряла у неё в горле. Дочь подошла к окну, и мать так резко схватила её за запястье, что та вскрикнула.

— Не подходи.

— Больно.

— Прости.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Потом в дверь позвонили — один раз, ровно и терпеливо.

Марина подошла к глазку. На площадке стояла женщина в тёмной куртке, без шапки, с папкой в руке. Лица толком не было видно: лампа над лифтом перегорела.

— Кто там?

— Оперативная группа. Откройте, пожалуйста.

— Назовите фамилию и отдел.

Женщина помедлила.

— Гражданка Лаврова, не усложняйте. Нам нужно задать несколько вопросов.

Марина заметила, что та так и не показала удостоверения. Снова нажала на кнопку телефона, но Андрей был недоступен. Тогда она сделала единственное, что сумела придумать: включила запись звука и положила аппарат на обувницу.

— У меня ребёнок, — сказала Марина через дверь. — И я не открою ночью неизвестным людям. Приходите с утра.

Женщина переступила с ноги на ногу. Где-то сбоку раздался мужской голос: «Чего возишься?»

— Вам же хуже будет, — ответила она уже без официальной интонации.

Марина не двинулась. Она вдруг вспомнила, как Андрей однажды ночью стоял на балконе и обещал бросить курить: говорил смело, почти сердито, но через неделю снова прятал сигареты за морозилкой. Всю их семейную жизнь он откладывал трудные решения. Сейчас откладывать стало нечего.

— Я вызываю полицию, — громко сказала она.

— Так мы и есть полиция.

— Тогда вам нечего бояться.

За дверью переговаривались. Потом хлопнул лифт. Марина дождалась, пока механический гул уйдёт вниз, и только после этого позволила себе сесть на пол.

Ксюша принесла плед. Не спрашивала больше ни о чём. Села рядом, прислонилась плечом. Обе слушали, как за окном работает чужой двигатель. Он не уезжал.

Примерно через час Марина снова стояла в прихожей с телефоном у уха. В квартире было темно, только сквозь жалюзи тянулись бледные полоски фонарей. В дверь позвонили — два коротких нажатия, пауза, ещё одно.

— Кто там? — спросила она.

— Из депо. Документы Андрея привёз.

— В четыре утра?

— Так сказали. Мне-то чего. Возьмите и всё.

Марина посмотрела в глазок. На площадке стоял высокий мужчина с бумажным конвертом. За ним — никого. Он слишком тщательно держался боком к камере над лестницей.

— Положите на пол. Заберу утром.

— Мне велели лично в руки.

— Тогда увезите обратно.

Несколько секунд мужчина стоял неподвижно. Затем прислонил конверт к косяку и ушёл. Лифт не приехал: шаги спустились по лестнице.

Ксюша выглянула из комнаты.

— Мам, кто это?

— Ложись.

— Папа опять не ночует?

Марина не ответила. В девятом классе дочь уже умела рас-

познавать недоговорённости и ненавидела их больше прямой грубости. Она прошла к окну и отодвинула штору.

— Там белая машина. Была ещё вчера.

Марина поспешно закрыла штору и увела дочь от окна.

— Никогда так не делай!

— Что с тобой?

Марина обняла дочь, но та не ответила на объятие. В этот момент телефон зазвонил снова. Незнакомый номер.

— Марина Сергеевна? — спросил мужской голос. — Старший дежурный. Вы дома в безопасности?

— Наверное.

— Дверь не открывайте. Наряд уже направлен. Ваш супруг попросил проверить адрес.

— А он жив?

Голос на секунду замолчал.

— Да. И сейчас именно об этом стоит думать.

К приезду патруля конверт исчез. На записи камеры у входа в подъезд было видно, как неизвестный вернулся и подобрал его через четыре минуты. Ни угрожающих записок, ни подброшенного оружия: только человек, который хотел убедиться, что дверь откроют.

Вскоре, около пяти утра, в дверь позвонили снова. На этот раз мужчина за дверью назвал полное имя Андрея. Он говорил спокойно и даже чуть виновато, словно пришёл не на рассвете, а в неподходящее обеденное время.

— Из отдела полиции, — сказал он. — Ваш супруг задер-

жан. Нужно уточнить несколько обстоятельств.

— Покажите удостоверение в глазок.

Мужчина приблизил документ. Марина успела разглядеть фотографию, синюю печать, но фамилия оказалась прикрыта пальцем. Когда она попросила повернуть удостоверение, человек убрал его.

— Женщина, мы можем и повестку вручить. Хотите, чтобы соседи слушали?

В квартире пахло недопитым чаем и чистящим средством. На плите стояла сковорода, в которой Марина вчера разогревала картошку для мужа. Андрей домой не вернулся. Она пыталась дозвониться ещё раз, но трубка была выключена.

Из комнаты выглянула Ксюша. На ней была футболка, которую Андрей привёз ей с заправки в прошлом году. Девочка показала глазами на входную дверь: кто это? Марина прижала палец к губам.

— Я свяжусь с дежурной частью сама, — сказала она мужчине. — Назовите отдел.

— Первое отделение. Нам бы не хотелось тревожить ребёнка.

— Тогда идите.

Несколько секунд никто не двигался. Потом за дверью тихо зашуршала куртка.

— Вы же понимаете, — сказал мужчина, — иногда от одного неправильного звонка зависит, когда человек вернётся домой.

Ксюша первой заметила, что за дверью больше не звонят. Это было страннее самого звонка: человек не ушёл, просто перестал напоминать о себе. В глазке виднелся кусок рукава — незнакомец стоял слишком близко к двери, чтобы увидеть его лицо.

— Мам, может, он и правда из полиции? — шёпотом спросила Ксюша.

— Тогда пусть назовёт отдел и фамилию. Я сама туда позвоню.

Марина сказала это громко, в сторону двери. Мужчина за ней молчал. Снизу хлопнула входная дверь подъезда, по лестнице прошли чьи-то шаги. Только после этого на площадке раздалось движение, будто посетитель отступил к стене.

Марина взяла телефон и набрала номер дежурной части, который нашла на официальной странице ведомства. Дежурный устало выслушал её и попросил повторить адрес.

— Если к вам пришёл сотрудник, он представится и покажет удостоверение. Но по телефону я не могу подтвердить, кто именно стоит у вас за дверью, — сказал он. — Дверь не открывайте. Об угрозах можете сообщить официально.

Марина поблагодарила, хотя ей хотелось кричать: «У меня ребёнок дома. Мне нужно не заявление, а чтобы вы приехали». Вместо этого она попросила зарегистрировать обращение и записала номер в тетрадь.

Марина не ответила. Она услышала, как шаги уходят к

лифту, но замок открывать не стала. Вместо этого позвонила соседке снизу, Нине Петровне, которая тридцать лет работала в регистратуре больницы и умела задавать неприятные вопросы без повышения голоса.

— Камеру вашу на лестнице можно посмотреть? — спросила Марина.

— Камера на нашем этаже вчера опять не работала, — ответила соседка. — А что у вас?

Марина закрыла глаза. Что у них? Мужа задержали, за дверью незнакомец, дочь стоит босиком на холодном полу.

— Ничего хорошего, — сказала она. — Не открывайте никому, кто спрашивает про нас. Я позже объясню.

Ксюша ждала возле холодильника. В её лице Марина увидела вдруг Андрея: те же складки возле рта, когда человек пытается удержать страх.

— Папа опять что-нибудь натворил?

— Я пока не знаю.

— Но ты думаешь, что да.

Марина могла соврать. Сказать, что это ошибка, недоразумение, страшный сон, от которого можно проснуться. Она опустилась на корточки, чтобы смотреть дочери прямо в глаза.

— Я думаю, что кто-то хочет, чтобы мы боялись. А нам сейчас надо действовать спокойно.

Ксюша кивнула — слишком взрослым движением для своих четырнадцати лет. Спросила, нужно ли идти в школу.

— Сегодня нет. Напишем классной. И собирай вещи: переночуем у тёти Светы.

Марина не знала, поможет ли это. Но уехать из квартиры, где чужой человек знает имя мужа и распорядок ребёнка, казалось единственным решением, которое она ещё может принять сама.

Перед выходом Ксюша вернулась в комнату и достала с полки старую фотографию. На ней отец стоял рядом с ней у моря, улыбался с закрытыми глазами: солнце било в лицо. Девочка сунула фотографию в рюкзак так, чтобы мать не заметила.

— Ты меня боишься? — неожиданно спросила Ксюша.

— Почему я должна тебя бояться?

— Ты всё время на меня смотришь, как будто я сейчас что-нибудь сделаю не так.

Марина присела рядом. Ксюша прижалась спиной к кухонному шкафу, обхватив колени. Она была в футболке с выцветшим рисунком, которую Андрей обещал выбросить ещё летом, потому что «из неё выросли». Сейчас она казалась совсем маленькой.

— Я смотрю, потому что думаю, как нам отсюда спокойно выйти, — сказала Марина. — Ты ничего не сделала не так.

— Папа сделал?

Марина не ответила сразу. Раньше она сказала бы, что отец ни при чём, чтобы не тревожить дочь. Но сегодня они обе слышали звонок, обе видели в новостях автобус, и выду-

манная уверенность была бы ещё одним предательством.

— Я пока не знаю всего, что он сделал. Но знаю, что он в беде. И что взрослые сейчас должны отвечать за свои решения. Не ты.

Снаружи завёлся мотор. Марина не подошла к окну. Сначала она дождалась, пока стало тихо в подъезде, затем позвонила соседке сверху — той самой, что каждый Новый год приносила домашние соленья. Соседка предложила спуститься и пройти с ними до такси.

Они вышли втроём. На площадке никого не было. Марина испытала почти постыдное облегчение: никаких героев, никаких нападений, только скрип лифта и мокрые следы на плитке. На улице Ксюша вдруг взяла её за руку — последний раз она делала так, наверное, в начальной школе.

В такси Марина попросила водителя ехать не домой к матери, как собиралась сначала, а в гостиницу возле железнодорожного вокзала. Там были камеры, круглосуточная стойка и люди. Она записала номер машины и отправила Ковалёву сообщение с номером обращения в дежурную часть. Впервые за ночь страх превратился хотя бы в несколько проверяемых действий.

Глава 5. Показания

— Он видел, кто принёс пакет, но не видел, как его положили, — уточнил Ковалёв.

Андрей посмотрел на адвоката. Тот не отвёл глаз.

— Вы мне сами сказали, — продолжил защитник. — Сейчас главное — не запутаться и не выдавать догадки за увиденное.

За окном кабинета серело. Нестеров запустил запись допроса в установленном порядке, представил участников и разъяснил права. Андрей слушал его, будто речь шла о другом человеке.

Он рассказал о людях на конечной, удостоверении, повороте к старой базе. О том, как отвернулся перед выстрелом. Когда дошёл до чёрного пакета, голос сорвался.

— Почему не возразили?

— Боялся.

— Вам угрожали?

— Спросили про семью. Потом фотографию дочери показали.

Нестеров уточнил последовательность. Он задавал скучные вопросы: какой рукой высокий держал пакет, был ли люк открыт заранее, кто мог слышать разговор. Вопросы казались бессмысленными до тех пор, пока Андрей не понял: следователь ищет не признание вины, а вещи, которые мож-

но проверить.

— Вы помогали перевозить тело?

— Нет. Видел, как погрузили в «Шкоду». Или думал, что видел: было темно.

— Утверждать то, в чём не уверены, не надо, — вмешался Ковалёв.

На стол легла фотография погибшего. Теперь лицо было видно. Игорь Мельников. Сорок один год. Сотрудник управления, где занимался внутренними проверками хозяйственных расходов.

Андрей вспомнил его глаза в зеркале. Не просьба о спасении — отчаянная попытка передать что-то, пока ещё можно говорить.

— Он сказал «мой телефон», — произнёс Андрей. — Просил телефон. У тех двоих он был.

Нестеров впервые перестал писать.

— Раньше вы об этом не говорили.

— Забыл.

Ковалёв тихо кашлянул.

— Нет. Боялся, — поправился Андрей.

После допроса он спросил, отпустят ли его. Нестеров ответил, что вопрос о мере пресечения ещё решается. Андрею выделили время на разговор с адвокатом. Он думал о Марине, но спросил другое:

— Если их посадят, меня тоже?

— Не все плохие решения преступления, — сказал Кова-

лёв. — Но ваше молчание ещё не закончилось. Вот что меня пугает.

Когда начался дополнительный допрос после разговора с адвокатом, Андрей попросил воды. Нестеров принёс пластиковый стакан из кулера и поставил его так, чтобы тот не оказался рядом с бумагами. Вчера в такой же стакан Андрей наливал чай на конечной. До вчерашнего вечера ему казалось, что любое событие можно разделить на «до» и «после». Теперь «до» выглядело чужой жизнью.

— По поводу пакета, — сказал Нестеров, — я ещё раз уточню. Вы видели, кто его принёс?

— Видел. Тот, высокий. В чёрной куртке.

— Вы видели, куда он его убрал?

— Нет. Я показал, где технический отсек. Потом отвернулся. Слышал, как закрыли люк.

Ковалёв поднял голову от блокнота. Андрей услышал собственную фразу и понял: сейчас будет самое трудное. Он не просто присутствовал при чужих действиях — он показывал отсек, молчал, пока убитого увозили.

— Он вам объяснил, что внутри?

— Нет.

— Вы спрашивали?

Андрей по привычке приготовился сказать «конечно». В его голове это уже произошло: он спрашивал, получал угрозы, возражал. Такая версия делала его человеком, который хотя бы пытался сопротивляться. Но в действительности он

стоял под дождём и думал о том, как быстрее оказаться дома.

— Нет, — сказал Андрей.

Нестеров записал ответ без комментариев. Ковалёв подвинул к себе блокнот и заметил, что нужно отделять прямое наблюдение от слов людей на месте. Следователь кивнул. Они разговаривали друг с другом о формулировках, а Андрей чувствовал, как его жизнь становится последовательностью маленьких точных предложений.

— Вы можете описать человека в пальто?

— Я знаю, кто это.

— Имя вы назвали. Сейчас описание.

Андрей описал седые волосы, пальто и часы. Потом вспомнил странную деталь: человек несколько раз проверял экран телефона, но ни разу не посмотрел на лежавшего у стены. Раньше Андрей счёл бы это признаком хладнокровия. Теперь он не был уверен, можно ли судить о чужих мыслях по такому движению.

Когда сделали перерыв, Ковалёв спросил его тихо:

— Скажите мне одну вещь. Если вы знали, что происходит преступление, почему всё-таки повели автобус туда?

— Я думал, они полицейские. Думал, разберутся сами.

— А когда поняли, что не разберутся?

Андрей поставил стакан на край стола. Вода дрожала: он так и не сумел удержать руку неподвижно.

— Когда уже было поздно.

Ковалёв покачал головой.

— Нет. Вы поняли раньше. Именно эту минуту мы и должны найти. Не для того, чтобы вас добить. Чтобы потом никто не придумал её за вас.

Когда Ковалёв вышел из кабинета за копией постановления, Андрей остался с Нестеровым и двумя остывшими стаканами воды. Следователь выключил настольную лампу: за окном уже рассвело и желтоватый свет делал лица болезненными.

— Во время первого допроса вы сказали про телефон, — напомнил Нестеров. — Где именно его упомянул Мельников?

Андрей медленно провёл ладонью по щеке.

— В автобусе. Уже после поворота. Я спросил, как его зовут. Он сказал: «Телефон… у них мой телефон». И всё. Коренастый его заткнул.

— Он просил позвонить? Передать телефон? Назвал номер?

— Нет. Или я не расслышал.

Нестеров положил перед ним схему салона — не красивый чертёж, а распечатку с прямоугольниками сидений. На таких схемах обычно отмечали повреждённые поручни и забытые вещи. Сейчас пустые квадраты выглядели как чьи-то места в суде.

— Покажите, где сидел раненый.

Андрей указал первое двойное кресло справа. Потом вспомнил, что при посадке Мельников почти упал на проход

и его подтянули к окну. Переставил палец на соседний прямоугольник.

— Это важно? — спросил он.

— Может быть. Если позднее кто-то скажет, что сидел с другой стороны, мы проверим по следам. А если не сможем — так и оставим.

Андрей заметил красный прямоугольник над дверью.

— Там камера. Но экран в кабине давно чёрный.

— Вы проверяли, пишет ли она?

— Не проверял. Сказали, не работает.

Нестеров никак не отреагировал. Андрей уже ненавидел это спокойствие: человек напротив не выдавал ни одной подсказки, какой ответ позволит вернуться домой.

— А ещё он сказал «не вези их», — добавил Андрей. — До автобазы.

— Вы уверены в словах?

— Да. В этих — уверен.

Следователь отметил фразу, затем попросил нарисовать, где находился высокий мужчина во время остановки. Андрей начал с водительской ступеньки и неожиданно вспомнил мокрый след подошвы на резиновом покрытии. Он посмотрел на собственные ботинки. Ребристый протектор был забит дорожной солью.

— Тот высокий стоял справа от меня, — сказал он. — И всё время держал одну руку в куртке.

— Вы видели оружие?

— Нет.

— Тогда не называйте это оружием.

Когда вернулся Ковалёв, Андрей прочёл исправленную часть протокола сам. В двух местах попросил заменить «уверенно опознал» на «полагаю, что узнал». Ему было стыдно за осторожность, будто она делала его слабее. Но адвокат сказал:

— Сейчас ваша задача не выглядеть смелым. Ваша задача — не подарить им ещё одну неточность.

Андрей поставил подпись. Не для того, чтобы скорее всё закончилось. Впервые за эту ночь он понял: протокол должен описывать событие, а не желание человека, который его подписывает.

Позже Нестеров предложил оформить дополнительные показания: оставались детали, которые следовало уточнить отдельно. Андрей снова сел напротив него. На столе стоял бумажный стакан с водой. Вода была совершенно спокойной. Это почему-то раздражало: у него дрожали руки, а здесь даже поверхность не шевелилась.

— У вас в показаниях написано, что высокий мужчина предъявил удостоверение, — сказал Нестеров. — Вы запомнили фамилию?

— Нет.

— Звание?

— Не рассмотрел.

— Значит, пока мы знаем только, что он показал предмет,

похожий на удостоверение. Это не одно и то же, что установить его должность.

Ковалёв положил ладонь на край листа. Андрей ждал, что адвокат опять оборвёт его, но тот молчал. Следователь не торопился: вернулся к схеме салона и отметил на ней переднюю дверь, водительское место и первые два ряда сидений.

— Покажите, где стоял каждый, когда автобус тронулся.

Андрей ткнул пальцем в бумагу. Высокий у кабины. Коренастый возле раненого. Третий у окна. Потом запутался — третий же и был раненым. Он провёл пальцем назад.

— Видите? — сказал Нестеров. — На записи вашего рассказа вы сказали «трое мужчин в проходе». Сейчас выходит двое и раненый на сиденье. Какую часть вы помните точно?

Андрей закрыл глаза. В голове всплывали не лица, а мелочи: пузырь воздуха в треснувшем плафоне, рукав чужой куртки возле кассы, скрип поручня. Он попробовал разложить их по порядку.

— Когда мы тронулись, высокий стоял здесь. Другой сел справа. Раненый рядом с ним. Это точно. А потом я почти всё время смотрел на дорогу.

— Хорошо, — сказал следователь. — Так и запишем.

Андрей поднял глаза. Он ожидал подвоха; спокойное «хорошо» не означало доверия, скорее только то, что описание стало точнее.

На столе завибрировал служебный телефон. Нестеров прочитал сообщение и перевернул аппарат экраном вниз.

— Когда вам приказали свернуть к старой автобазе, вы знали, что она закрыта?

— Знал. Отец там работал.

— Вы сказали что-нибудь пассажирам?

— Я спросил, куда мы едем.

— А почему не остановились?

Андрей посмотрел на Ковалёва. Тот не подсказал ответ. И Андрей впервые не стал говорить «не мог». Остановиться он, возможно, мог. Что сделали бы с ним и с раненым — не знал.

— Я испугался, — сказал он. — И подумал, что если доеду, меня отпустят.

Нестеров долго писал. Потом прочитал записанное вслух. Там не было ни слова о трусости, хотя Андрей слышал её в каждой строчке. Была только последовательность действий. Это казалось жестоко точным способом рассказывать о собственной жизни.

— Ещё одно, — сказал следователь. — Вы никому не говорили о ранении до встречи с адвокатом?

— Нет. Жене звонил, но не рассказал.

— Проверим время звонка. Не содержание, только время, если его можно законно получить. Это поможет понять, когда вы уже находились на дороге к парку.

Когда допрос прервали, Андрей спросил Ковалёва, почему следователь не пытается добиться признания. Адвокат медленно сложил бумаги.

— Он пытается добиться события, которое можно проверить. Иногда это гораздо опаснее для тех, кто придумал удобную версию.

Глава 6. Человек в серой куртке

О существовании брата Игоря Мельникова Нестеров узнал из материалов проверки, а Ковалёв — из сообщения журналистки Веры. Максим Мельников не верил в официальную версию смерти. Оба — следователь и адвокат — пришли к этой фамилии разными путями.

Игорь Мельников работал с внутренними проверками автотранспортного хозяйства полиции. Последние два месяца собирал сведения о закупках топлива, фиктивных ремонтах и пропавших автомобилях, которые числились уничтоженными. В старой автобазе по бумагам тоже ничего не происходило. Электричество отключено, техника списана, охрана упразднена.

— Потому и удобное место, — заметил Ковалёв.

Мельников успел передать брату бумажную записку с двумя номерами машин и словом «смена». Брат счёл это личной пометкой. Теперь слово звучало иначе.

Андрей вспоминал ночь. Он был уверен, что погибший пытался что-то сказать ещё у дверей автобуса. В памяти не было слов — только шевеление разбитых губ. Когда он пытался усилием выжать подробность, перед глазами возникала другая: как мокрый рукав зацепился за поручень.

Вера проверила, кто дежурил на базе в последние годы. Оказалось, бывший сторож уволился ещё весной, но изред-

ка получал переводы от подрядной фирмы «ГорТрансСервис». Её директор значился родственником районного полицейского начальника Дмитрия Брагина.

Фамилию Брагина Андрей услышал впервые от адвоката. Затем Ковалёв показал фото с муниципального праздника. Седой мужчина держал в руках благодарность губернатора.

— Он, — сказал Андрей.

— Уверены?

— Даже если бы вы закрыли ему лицо, узнал бы часы.

На следующее утро по городским пабликам разошлось сообщение: «Задержан водитель, подозреваемый в убийстве полицейского». Имени пока не было. Но лицо Андрея уже фотографировали на выезде из парка год назад — для рекламного баннера маршрута.

Через час снимок появился рядом со словом «убийца».

В тот вечер Максим Мельников согласился поговорить с Верой ещё раз — без записи для публикации и подальше от редакции. Встретились в мастерской по ремонту обуви, где работал его тесть. Между стеллажами пахло резиной, пылью и нагретым клеем. За стеной гудела шлифовальная машинка.

Вера положила диктофон на стол, но не включила его.

— Я пока собираю факты, — сказала она. — Мне нужно понять, почему Игорь оказался в автобусе. Если захотите, ваши слова останутся только в моих заметках.

— А потом это по телевизору покажут? — Максим с недо-

верием взглянул на прибор.

— Без вашего согласия я не стану выдавать наши слова за запись интервью.

— Игорь мне денег должен был, — сказал Максим. — Хорошим человеком я его не назову. Выпивал, жене грубил. Но чужого брать не любил. Когда говорил, что чего-то не подпишет, — не подписывал.

Максим покрутил зажигалку с выцарапанной на крышке буквой «И».

— За неделю до смерти он приезжал ко мне поздно вечером. В квартиру не зашёл, стоял на лестнице. Сказал: если с ним что-нибудь случится, не верить первому сообщению. И добавил: «У нас тут всё по бумажкам чисто, а люди почему-то пропадают».

— Люди? Какие люди?

— Не знаю. Я тоже спросил. А он ответил: «Чужого человека найти трудно, когда в деле написано, что его вообще не было».

Вера записала фразу дословно. Это были воспоминания брата, а не установленный факт; проверить их можно было только другими источниками.

— Он оставил вам документы или флешку?

— Тогда — нет. Я ещё обругал его. Сказал, чтобы сначала долг вернул, а потом приезжал с загадками. Он ушёл. Больше я его не видел.

— Вы знаете, кто такой Брагин?

Максим поднял глаза. За стеной умолкла машинка, и стало слышно, как мокрый снег стучит по козырьку.

— Нет. И не хочу никого обвинять наугад. Мать после Игоря почти не встаёт.

— Я не напишу, будто вы кого-то обвиняли, — ответила Вера.

Максим посмотрел на неё испытующе. Вера поняла, что доверие свидетеля зависит не от обещания громкой публикации, а от готовности журналиста оставить часть услышанного за кадром.

Вера достала две фотографии Игоря. Одну — из официальной новости, вторую — снятую на телефон незадолго до убийства. На второй Игорь стоял возле старого автобуса, держа в руках папку без обложки. Позади виднелась кирпичная стена с синей полосой. Стена могла быть где угодно, но Вера решила не подсказывать ответ.

— Где это? — спросила она.

Максим Мельников долго смотрел на снимок. Потом покачал головой.

— Не знаю. Только он мне эту фотографию не присылал.

— Тогда откуда она у меня?

— Вы у меня спрашиваете?

Вера перевернула телефон экраном вниз. Она получила снимок от человека, который отказался назвать себя. На обороте снимка, если бы оборот у цифровой фотографии существовал, должна была быть написана дата. Но файл пересы-

лали несколько раз; сведения о времени съёмки в нём пропали. Это была хорошая иллюстрация плохой улики.

— Игорь занимался автобусным парком? — спросила она.

Максим посмотрел в окно мастерской. На подоконнике стоял пустой цветочный горшок; мокрый снег за стеклом превращался в воду.

— Он как-то говорил, что в автопарке списывают запчасти, которых никто не покупал. Я ещё посмеялся: нашёл себе преступление века. После того разговора он перестал обсуждать работу.

— Вы заявляли об этом следователю?

— Я сказал, что брат был обеспокоен. Они записали, что он ни с кем не конфликтовал.

Вера сделала пометку в блокноте. Не «полиция скрыла информацию», а «со слов брата — разговор о закупках; проверить протокол». Её редактор называл такие записи скучными. На деле именно они оставались, когда эффектные версии разваливались.

— Игорь боялся за жизнь?

— Не говорил. Он вообще редко говорил, чего боится. Однажды перед Новым годом приехал и полдня чинил мне кран. Мы поссорились из-за какой-то чепухи. Я потом не позвонил. Думал, успеем.

Максим отвернулся, и Вера впервые перестала видеть в нём источник сведений. За каждым пунктом её будущего материала стоял живой человек, которому предстояло прочи-

тать, как погибшего брата обсуждают незнакомые люди.

— Мне нужен не герой и не злодей, — произнесла она. — Мне нужно понять, что он действительно делал в последнюю неделю.

— Тогда начните с его расписания, — сказал Максим. — Он каждый вторник привозил матери продукты. В тот вторник не приехал. Я звонил — он ответил, что занят возле старой автобазы. И сказал странную вещь: «Если что, у меня всё записано». Я решил, что он о рабочих бумагах.

Вера спросила точное время звонка. Максим открыл историю вызовов и показал экран. Она переписала цифры, попросила разрешения сфотографировать только соответствующую строку и отдельно уточнила, готов ли он подтвердить их официально.

— Если это поможет, — ответил он.

На улице Максим догнал её возле автомобиля.

— Вспомнил ещё. Перед уходом Игорь сказал: «Спроси у автобусников, почему на семнадцатом маршруте ремонтируют то, что не ломалось». Я решил, что это шутка. Он ведь до службы подрабатывал водителем.

Вера открыла записную книжку. На следующее утро она собиралась искать людей из автобусного парка — и не называть им имя Мельникова раньше времени.

На улице она отправила Ковалёву короткое сообщение: «Есть свидетель последнего телефонного разговора Мельникова, дату и время подтверждает журнал вызовов. Встречу

можно организовать». Фотографию автобуса она не приложила. Пока она доказывала лишь то, что кто-то прислал её журналистке, и ничего больше.

Через несколько дней Максим снова встретился с Верой и поставил перед ней коробку из-под чайника. Скотч на крышке успел пожелтеть. Внутри лежали квитанции, несколько фотографий из семейного альбома и сложенная вчетверо распечатка. Максим не спешил вынимать её.

— Игорь не был борцом со всей системой, — сказал он. — Он вообще терпеть не мог громких слов. Жил как все, собирался менять машину, матери звонил по воскресеньям. Последний месяц будто спать перестал. А когда я спросил, что случилось, сказал: «Если я принесу тебе бумажку, не смей никому её отдавать, пока сам не поймёшь, что там».

Вера протянула руку, но Максим придержал крышку.

— Я не понимаю, что тут. Вижу цифры. Он говорил, что это доказательства, а я подумал, очередной рабочий конфликт.

На распечатке было несколько строк из ведомости закупок муниципального транспортного предприятия. Один и тот же номер договора повторялся трижды с разными суммами. Топливо, запасные части, обслуживание гаражного оборудования. Напротив стояли названия фирм, которые Вера раньше не слышала. Внизу карандашом Мельников приписал: «Один и тот же грузовик? Проверить накладные». Никаких признаний или фамилии Брагина.

— А почему это у него было? — спросила Вера.

— Он помогал знакомому из финансового контроля. Тот пришёл с жалобой, что подпись на акте приёмки его, а товар он в глаза не видел. Через неделю знакомый взял заявление обратно. Игорь разозлился. Сказал, что если люди всё время забирают свои слова, надо искать то, что нельзя забрать.

Вера попросила разрешения сфотографировать листы. Максим согласился, но добавил:

— Не пишите, что он успел всех разоблачить. Он сам боялся, что ошибся. Говорил: «Пока не проверю машины и склад, это просто цифры».

Она записала эту фразу точно. Отправляясь сюда, Вера ждала получить громкое разоблачение. Но в коробке лежала работа человека, который ещё не закончил проверку. Теперь её было кому закончить — и кому помешать.

Уже у двери Максим вспомнил другую деталь. Игорь дважды пытался встретиться с начальником парка, но оба раза встречу переносили на поздний вечер, когда бухгалтерия закрыта.

— А в последний день позвонил, — сказал брат. — Сказал, что ему назначили место встречи возле старой автобусной базы. Я попросил не ехать одному. Он ответил: «Там люди с удостоверениями». И засмеялся. Как будто это должно было меня успокоить.

Вера спустилась по лестнице, остановилась между этажами и ещё раз посмотрела на снимок ведомости. Если она сра-

зу напишет, что Мельникова убили из-за закупок, то повторит ошибку, против которой тот сам работал. Пока можно было утверждать только одно: он проверял документы и собирался встретиться с людьми, которые обещали ему объяснения. За этой узкой полоской проверенного тянулась большая тёмная пустота.

На очередной встрече Максим Мельников достал из ящика нижнюю половину картонной папки. Верхней не было: картон оборвался по сгибу, будто его долго носили в сумке и наконец оторвали. На обложке сохранилась надпись шариковой ручкой: «Семнадцатый. Не отдавать в парк».

— Это брат написал? — спросила Вера.

— Не знаю, — ответил Максим. — Его почерк, но почерк можно подделать. Я вам поэтому и не говорил про папку, пока не нашёл остальные листы.

Он разложил на столе копии накладных. Одни и те же номера запчастей повторялись через месяц: тормозные цилиндры, генераторы, аккумуляторы. В графах приёмки стояли разные подписи. Вера заметила, что суммы в документах складывались аккуратно, а даты поставки иногда приходились на воскресенье.

— В воскресенье парк работает, — сказал Максим, заметив её взгляд. — Автобусы всё равно ломаются. Тут не об этом.

— Тогда о чём?

Максим указал на строку «регистратор бортовой». За

один год на семнадцатый автобус по документам установили три одинаковых устройства. Каждый раз — новое, по полной цене. В пояснении механика к последней закупке стояла фраза: «Старый блок оставлен до проверки совместимости». Ни акта списания, ни серийного номера старого устройства в бумагах не было.

— Игорь сказал, что в этой строке могут быть две истории, — произнёс Максим. — Первая — деньги. Вторая — кто имеет доступ к записи, когда все уверены, что камера не работает.

Вера не стала сразу связывать это с убийством. Она сделала фотографии документов, попросила брата назвать дату разговора и записала отдельно его воспоминания — не под видом установленных фактов, а как слова человека, потерявшего близкого.

— Почему он не передал всё в область? — спросила она.

Максим потёр край папки большим пальцем.

— Он пытался. Говорил, что сначала надо подтвердить происхождение бумаг. А ещё говорил, что люди в парке могут пострадать, если он ошибётся. Очень злился, когда я говорил ему бросить это. Понимаете, он был не таким смелым, как теперь о нём говорят. Боялся. Просто не мог перестать проверять.

В дверях появилась жена Максима с чашками. Она поставила чай и негромко попросила не снимать фотографию Игоря на стене: мать всё ещё не знала, какие снимки ходят

по новостным каналам. Вера кивнула.

— А надпись про семнадцатый? — спросила она уже у двери.

— Игорь сказал, что водитель должен запомнить одну вещь: на последних рейсах камеру могут включать удалённо. Даже когда лампочка на панели не горит. Но говорить с водителем он собирался сам. Не успел, наверное.

На лестнице Вера остановилась, чтобы дословно записать эту фразу. Важно было не превратить «собирался» в «предупредил». В деле уже хватало людей, уверенных в том, чего никто на самом деле не видел.

На следующей встрече Максим принёс не только документы брата, но и старую записную книжку в чёрной обложке. Вера прежде видела её на фотографии: Игорь держал книжку рядом с кружкой, сидя у окна кухни. Сходство не доказывало, что все записи сделал он. Поэтому журналистка начала не с фамилий, а с простых вопросов.

— Когда вы нашли её?

— После похорон. В коробке из-под инструментов. Игорь там старые чеки хранил.

— Вы меняли что-нибудь? Вырывали страницы?

Максим обиделся, но ответил:

— Нет. Я только закладку переставил. Там была квитанция на шиномонтаж. Думал, важная.

Вера сфотографировала обложку и первые листы с разрешения Максима, затем попросила его оставить оригинал

у себя до обращения к следователю. В книжке встречались номера машин, краткие суммы и сокращение «ГТС». Часть записей относилась к государственным закупкам, часть могла быть личными подсчётами. Если бы она сейчас написала, что перед ней бухгалтерия преступной группы, это было бы красивой неправдой.

На последней странице карандашом значилось: «17 — ставили новый блок дважды. Снять копию акта». Ниже была дата — за четыре дня до убийства.

— Почему он интересовался семнадцатым автобусом? — спросила Вера.

— Я думал, он хотел устроиться водителем. Он говорил, что там пропадают камеры. Я даже посмеялся: «Ну и пусть воруют, тебя-то что?»

Максим отвернулся. Вера не стала его утешать. Виноватым сейчас мог почувствовать себя кто угодно, кто когда-либо не дослушал Мельникова. Но от этого Игорь не становился пророком: он мог ошибаться и в своих подозрениях.

— Вы готовы передать книжку следствию официально? — спросила она.

— Готов. Только копию себе оставлю. А то все потом скажут, что никогда её не видели.

Вера записала его ответ дословно. На выходе Максим остановил её:

— Вы думаете, брат уже знал, что его убьют?

— Не знаю. Он мог просто собирать информацию. Не буду

за него додумывать.

Максим кивнул. Ему, кажется, впервые за много дней ответили без готовой страшной версии. И это было тяжелее, чем услышать любую сенсацию.

Перед уходом Максим Мельников не сразу отдал Вере копию записной книжки брата. Держал её раскрытой на коленях, разглаживая страницы так, будто боялся повредить последние следы чужого почерка.

— Вот здесь он пишет «семнадцатый», — сказал Максим. — А здесь — «склад». Я думал, это маршруты, по которым он ездил. Игорь никогда ничего не объяснял.

Вера посмотрела на лист. Рядом с номером автобуса стояла дата, а ниже — четыре цифры, похожие на последние знаки заводского номера. Она переписала их в блокнот, не делая снимка.

— Можно сверить с накладными?

— Можно. Только я не понимаю, чем это поможет.

— Если номера относятся к одному прибору, а по документам на этот автобус поставили три разных, возникнет вопрос. Не ответ, именно вопрос.

Максим закрыл книжку. На полке возле окна стояла фотография двух братьев у озера. Младший, Игорь, смеялся; Максим на снимке смотрел в сторону, словно уже тогда не хотел участвовать в чужой затее.

— Он в последний разговор спросил, помню ли я, где работал наш отец, — сказал Максим. — Отец слесарил в депо.

Игорь интересовался, не знаю ли я старого мастера по фамилии Пахомов. Я сказал, что не знаю. Он рассердился. А потом попросил не приезжать.

— Вы об этом следователю говорили?

— Сказал, что мы поссорились. Про мастера забыл.

Вера не попросила его восстановить разговор дословно. Память после утраты становится опасно послушной: хочется заменить обрывки тем, что теперь кажется важным. Она предложила Максиму написать от руки то, в чём он уверен, и отдельно отметить детали, которые всплыли позже.

По дороге в редакцию Вера позвонила Ковалёву.

— У брата погибшего есть запись с номером прибора. Передавать вам скан?

— Лучше пусть официально приобщат к материалам. Мне скажите только, с кем согласовать передачу.

— Вы правда думаете, что они примут?

— Принять — не значит признать доказанным. Но если бумага останется только у журналистки, потом неизбежно начнут спорить, откуда она взялась.

Вера убрала телефон. Она впервые за день подумала не о заголовке. Ей предстояло сделать скучную работу: описать происхождение каждой бумаги, поговорить с людьми, которые могут не захотеть разговаривать, и выдержать разницу между подозрением и обвинением.

Ещё при одной встрече Вера попросила Максима показать не только записи Игоря, но и конверт, в котором тот при-

слал документы. Конверт лежал под книгами на подоконнике. Почтовый штемпель был размыт дождём, зато в углу сохранился номер отделения.

— Он прислал это за неделю до смерти, — сказал Максим. — Позвонил и велел не открывать. Сказал: если спросит — отдать обратно, если не спросит — забыть.

— А теперь вы открыли.

— Теперь он уже не спросит.

Максим осторожно вынул из конверта не флешку и не разоблачительную записку, а копию обычного акта: четыре строчки оборудования, дата, печать. На полях карандашом было написано: «проверить фактическое наличие». Вера почувствовала разочарование и сразу устыдилась его.

— Игорь всегда так делал? — спросила она.

— Что именно?

— Не утверждал, пока не проверил.

Максим помолчал.

— В школе он однажды увидел, как учительница обвинила мальчишку в краже. Все подтвердили, потому что мальчишка был задирой. А Игорь сказал, что видел его в другом месте. Учительница выгнала их обоих из класса. Потом кошелёк нашли в шкафу. Он до вечера ходил довольный, а ночью плакал, потому что боялся, что отцу сообщат.

Вера невольно улыбнулась.

— Вы поэтому храните его бумаги?

— Я храню, потому что больше почти ничего не осталось.

— Максим осторожно убрал акт обратно. — И ещё потому, что боюсь однажды сказать про него что-нибудь удобное, чего он не делал.

Вера попросила разрешения передать сведения следствию через адвоката и записала точное происхождение документа. У выхода Максим окликнул её:

— Вы ведь не напишете, что он заранее знал, кто убийца?

— Не напишу. У меня нет таких сведений.

— Спасибо.

На лестнице Вера остановилась возле окна. На улице грузили в фургон хлебные лотки, водитель кричал кому-то, чтобы придержали дверь. У города было своё утро, не связанное ни с чьим расследованием. Она открыла блокнот и рядом с фамилией Мельникова записала не улику, а слово «осторожность». Ей хотелось, чтобы хотя бы в её материале это качество не исчезло вместе с человеком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРАЙНИЙ

Глава 7. Утро города

К утру снег стал серым. На остановке возле школы кто-то написал на стекле маркером: «Убийца — семнадцатый». Марина прошла мимо, не поднимая глаз, но Ксюша остановилась.

— Это про папу?

— Я не знаю.

— Значит, про него.

Дома Марина обнаружила одиннадцать непрочитанных сообщений. Сестра спрашивала, правда ли Андрей стрелял в человека; соседка предлагала помощь с продуктами таким голосом, будто семья уже осуждена. Директор депо сказал, что Андрей хороший работник, но предприятие «дистанцируется от любых противоправных действий». Писали про него те, кто ещё вчера просил подменить смену или одолжить пятьсот рублей.

Вера Соколова приехала без оператора. Невысокая женщина в непромокаемой куртке представилась и сразу сказала:

— Я не буду снимать ребёнка. Мне нужно понять, что происходит. И вы можете отказать.

Марина отказалась. Потом спросила, почему в интернете уже всё решили, если следствие только началось.

— Потому что готовую версию легче публиковать, — ска-

зала Вера. — А проверка требует времени.

Она оставила карточку с номером.

В коридоре школы Ксюшу остановил одноклассник, которому прежде она нравилась. Он спросил, сколько людей её отец убил. Девочка ударила его рюкзаком по лицу и вышла из здания через запасной вход. Марине позвонили через десять минут.

Впервые за годы совместной жизни она не хотела, чтобы Андрей объяснял происходящее. Она хотела, чтобы он один раз сказал правду целиком. Даже если после этого останется нечего спасать.

Утром город узнал об убийстве раньше, чем проснулся. В водительской комнате при автопарке новость шла по маленькому телевизору, где ведущая зачитывала официальный текст на фоне серой фотографии.

— Опять нашего гоняют, — сказал водитель третьего маршрута.

Никто не спросил, кого именно он имеет в виду. На экране показывали ЛиАЗ у обочины, мигающий патрульный автомобиль и лицо Андрея с удостоверения. Снимок был старый, семилетней давности: волосы ещё гуще, взгляд прямее.

Диспетчер Володя уменьшил звук. Ему нужно было выдавать путевые листы, но люди не расходились. Кто-то сказал, что Лавров хороший мужик. Другой вспомнил, как Андрей прошлой зимой сорвался на пассажирку с коляской. Один механик молча налил себе чаю и ушёл в цех.

— Я с ним вчера разговаривал, — сообщил молодой водитель. — Он будто не свой был.

— Ты со всеми вчера разговаривал, — ответил Володя. — Давай работай.

Геннадий стоял в дверях и слушал. В сводке говорили, что в автобусе нашли предметы, связанные с преступлением. Он мысленно перебирал устройство старой машины: где можно что-то спрятать, какие люки открываются без инструмента, кто дежурил у ворот после полуночи. За годы работы он узнал неприятную вещь: любую неисправность можно объяснить, если её ещё не успели записать в акт. С человеческой бедой было наоборот — как только её записывали официально, разговоры переставали что-либо значить.

Володя протянул ему журнал ремонта.

— Распишись по семнадцатому. Там вчера была заявка на камеру.

Геннадий посмотрел на лист. Заявка стояла задним числом. Почерк напоминал кладовщицу, но дата была написана другой ручкой.

— Я это не делал, — сказал он.

— Ты не делал, а кто сделает? Начальник велел закрыть недоделки.

— Не буду подписывать.

Диспетчер отвёл глаза.

— Гена, не устраивай. Там же мелочь.

Геннадий перевернул страницу, нашёл запись, которую

действительно делал месяц назад, и поставил рядом заметку: «Повторное диагностирование не проводилось». Подписался сегодняшней датой.

— Вот так передай начальнику.

Когда он вышел, Володя долго смотрел на журнал. Потом осторожно закрыл его, словно бумага могла порезать руки. На улице над городом тянулся дым от котельной. Автобусы один за другим выезжали на линию, и каждый выглядел точно так же, как вчера. Это было самое странное: для одного человека ночь перечеркнула всё, а расписание никто не отменял.

Геннадий увидел в путевом листе исправление когда после утренней сводки начал сверять документы. В графе «выезд с конечной» поверх прежнего времени стояли новые цифры; чернила были другой синевы. Так иногда исправляли ошибки диспетчера, и обычно никто не поднимал шума. Но рядом стояла подпись, которую механик прежде не встречал. Не корявая роспись Андрея, не округлая подпись сменного начальника — три коротких штриха и точка.

— Кто вчера за семнадцатым закреплён был? — спросил он у диспетчерши.

— Лавров. Ты что, журнал не видел?

— Видел. Только тут накалякано.

Диспетчерша вытерла руки о фартук. Она всегда приносила пирожки для ночной смены и, если что, могла заступиться за водителя перед директором. Сейчас она смотрела

на лист, как на чужую вещь.

— Мне позвонили из управления, — сказала она. — Спросили, будет ли Лавров на конечной в одиннадцать сорок. Я ответила, что будет. А что?

— Кто звонил?

— Представился помощником начальника транспортного отдела. Сказал, проверяют вечерние рейсы.

— Номер остался?

— На городском. Там определителя нет.

Геннадий ощутил неприятную тяжесть под рёбрами. Человеку, который никогда не видел расписания, достаточно было узнать время стоянки. В прошлом месяце семнадцатый задерживался на сорок минут, потому что отказали тормоза. Вчера же он вышел почти минута в минуту.

Он попросил журнал технического обслуживания. Между строками обнаружилась новая запись: «Видеорегистратор отключён в связи с неисправностью питания». Ни номера заявки, ни подписи мастера. Геннадий сам менял предохранитель на этой машине за два дня до смены. Питание тогда было исправно.

— Кто в журнал полез? — спросил он.

— Да откуда я знаю, Гена. Ты ещё скажи, что я ночью в гараж лазила.

Он сфотографировал страницу, потом одёрнул себя: снимок ничего не объяснял, пока нельзя установить, когда появилась надпись. Геннадий нашёл предыдущие листы и уви-

дел, что чернила на них выцвели, а подозрительная строка блестела свежо. Он сфотографировал и переплёт, и номера соседних страниц.

В депо пожилой механик Геннадий Михайлович вытащил из мусорного контейнера копию вчерашней путёвки Лаврова. Начальник смены велел выбросить документы: автобус забрали «на проверку». Механик разгладил лист на колене. В графе «возврат в парк» уже стояло время 00:09. Подпись водителя была поддельной.

Он спрятал бумагу под куртку: её ещё предстояло показать Ковалёву.

В раздевалке было пусто. Из открытой форточки тянуло слякотью. Геннадий достал телефон и набрал Андрея, но услышал автоматический ответ. Тогда записал ему сообщение: «Если выйдешь на связь, скажи, почему у тебя в путёвке другое время. И кто лазил в журнал». Отправил и сразу пожалел о резкости: человеку сейчас могло быть не до путёвок.

В диспетчерской пахло горячим пластиком и дешёвым кофе. Геннадий разложил путевые листы на подоконнике — свободных столов не было. За его спиной диспетчер Нина Павловна обедала прямо над журналом выпуска. Когда механик спросил, кто менял время отправления семнадцатого, она перестала жевать.

— Ты мне чего вменяешь? — спросила она.

— Ничего. Я спрашиваю, кто распечатал новый лист.

Нина Павловна достала из-под папки старую копию. На

ней у Лаврова значилась другая конечная: последний круг он должен был закончить возле завода, а не на пустыре у старой базы. Печатный штамп совпадал по дате; не совпадало время. Разница была всего девятнадцать минут.

— Мне вечером позвонили, — сказала диспетчер. — Сказали, дорогу у завода перекрыли, пусть идёт по запасной схеме.

— Кто позвонил?

— Представился дорожной службой. Я диспетчер, Гена, не следователь. Нам вечно звонят: то трубу прорвало, то авария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.